

Глава XII. От Симона Радовицкого к Борису Владимировичу

В связи с обстоятельствами, не зависящими от воли Дуррути и Аскасо, экскурсия на американский континент заканчивалась там, где, по замыслу, должна была и начаться. Хуже того: по следу «Странников» шли полицейские службы трёх государств, преследуя их за «преступления», по причине которых, с другой стороны, в Буэнос-Айресе 1925 года аргентинский анархизм был разобщён. Причиной раскола являлась полемика об анархистских методах действия. Одна часть организации поддерживала экспроприацию материальных благ и покушения на людей, а другая считала такие меры неподобающими для анархизма. Тем не менее, основные причины прямых жёстких действий были связаны с природой самой власти в Аргентине, носившей репрессивный характер по отношению к рабочему классу. Именно поэтому, также из-за притока анархистов за счёт эмигрантов и ссыльных, прибывавших на риоплатские земли, в Аргентине и Уругвае, воинственный анархизм насчитывал большое число сторонников.

В августе 1905 года, на V съезде, была основана Аргентинская региональная рабочая организация — АРРФ (Аргентинская региональная рабочая организация-Federación Obrera Regional Argentina- — FORA), — которая продолжила политику объединения рабочего движения. Первой такой попыткой явилось создание в 1872 году секции Международной ассоциации трудящихся, или Первого интернационала. Эта и последующие унитарные попытки растворились по вине нескончаемых дискуссий, похожих на европейские, между социал-демократами, марксистами, «синдикалистами» и анархистами. Преобладали в то время последние — и особенно в профорганизациях ремесленников, — а также анархо-синдикалисты. Это становится очевидным на упомянутом V съезде, где огромным большинством была принята идеология «анархистского коммунизма». Так он назывался до того, как большевики присвоили термин «коммунистический». Социал-демократы, со своей стороны, ещё ранее — с 1886 года — организовали свою Социалистическую партию, придерживающуюся реформизма и парламентаризма, в духе Второго интернационала.

Любая организация рабочего класса возникает только лишь по причине существования самого рабочего класса, и он своим существованием обязан буржуазии, которая его порождает. Из данного вывода прямо вытекает следующее: если в Аргентине в 1880 году и последующие десять лет появились рабочие организации, то это произошло в силу экономического, капиталистического и промышленного развития страны, которое создавало фундаменты буржуазного общества и в этой ситуации вызывало классовую борьбу в её

самом чистом виде.

«Страх к преобладанию рабочего класса стал причиной того, что были задействованы все средства, для ослабления забастовочного движения, начатого работниками пекарной промышленности в августе 1902 года в Буэнос-Айресе. Именно во время этой стачки, судья Наварро противоправно вторгся в здание Рабочей федерации, центр 18 профорганизаций столицы. Полицейские рушили мебель и уничтожали книги (...) Такая мера судьи Наварро не произвела ожидаемого эффекта, — напротив, возмущение всех рабочих привело к смелым протестам. При этих чрезвычайных обстоятельствах, ораторы-социалисты присоединились к анархистам, осуждая совершённые атаки. Так, 17 августа прошёл многочисленный митинг 20 000 рабочих»²⁰¹. В последствии боевой характер рабочих будет расти, причём все стачечные конфликты решались с применением насилия: грубое вмешательство полиции и бойкот со стороны рабочего класса.

По принципу верховной власти, правительство предложило отменить празднование Дня трудящихся в Аргентине. Но Рабочая федерация призвала рабочих провести 1 мая 1904 года в БуэносАйресе демонстрацию, которая должна была выйти с площади Лореа или Парламента, потом собраться вокруг памятника Маццини, на Пасео де Хулио. На манифестацию, по подсчётам самой буржуазной прессы, вышло более тысячи человек. Если принять во внимание, что аргентинская столица в то время насчитывала миллион жителей, это было огромной цифрой. Полиция, с предложениями и без них, открыла стрельбу из револьверов по участникам манифестации. Рабочие, имевшие при себе какое-нибудь оружие, ответили на атаку. Завязалась перестрелка, и погиб первый рабочий — моряк Хуан Окампо. Группа из трёхсот демонстрантов, среди них — вооружённые револьверами, окружила тело жертвы. Его подняли на плечи и решительно понесли по улицам города, до здания газеты «Протест», на улице Кордоба. Полиция несколько раз предприняла попытку разогнать демонстрацию, но, поскольку было очевидно, что на этот раз перед ней была не безоружная толпа, а группа людей, готовых противостоять любой ситуации, то она предпочла наблюдать за маршем издалека. Из здания анархистского печатного органа, тело Окампо было доставлено в Рабочую федерацию, на улице Чили; там намеревались организовать ночное бдение у гроба для рабочих людей Буэнос-Айреса. Когда рабочие вошли в здание, многочисленные полицейские агенты заняли позиции, готовясь к атаке. Рабочие, понимая, что новое кровопролитие будет бессмысленным, покинули это место. Тогда полиция, пользуясь ситуацией, похитила тело рабочего, чтобы тайно похоронить его. Кроме убитого, более тридцати рабочих были ранены. Таковы были события, ставшие известными в истории как расправа на площади Маццини. Тем не менее, эта жестокая мера не смогла остановить протесты рабочего класса. Напротив, по всей стране движение усилило свои действия. Один из профсоюзов: — докеров и портовых работников, — взял на себя инициативу созвать в Южной Америке, в июне 1905 года съезд, для того чтобы основать Федерацию морского и, наземного транспорта, грузчиков и других портовых работников, всех транспортных организаций в Южной Америке. В заявлении о планах этой инициативы говорится следующее: «Комитет постановляет провести свой IV Съезд в городе Монтевидео, в первой половине октября текущего года, в качестве I Южноамериканского съезда морского и наземного транспорта». Также постановляет, что в этом первом Южноамериканском съезде примут участие все компании морского транспорта из республик: Аргентина, Бразилия, Уругвай, Чили, Перу, Парагвай, Эквадор, Венесуэла и

Мексика с целью подписания южноамериканского договора, а также обсуждения противостояния постоянным атакам капитализма и установления отношений с Международной транспортной организацией, центр которой находится в Гамбурге, (Германия).

«Эта инициатива имеет огромное общественное и политическое значение. Речь идёт о значительном шаге вперёд со стороны рабочего синдикализма, для укрепления международных связей в стране, являющейся частью континента-мозаики, состоящей из государств, искусственно разделённых из-за интересов господствующих классов, что является наследством, с одной стороны, Испании, а также нео-колониальных отношений с новыми империями: Великобританией и Соединёнными Штатами Америки. Поэтому становится ясной реакция притеснения доминирующих классов и правителей Аргентины, и участием в этой репрессии империализма. Подъём рабочего класса и его самостоятельная организация представляли собой угрозу для местной буржуазии и империалистических сил, особенно если пролетарский импульс соединял рабочие движения Латинской Америки, пересматривая освободительную интеграцию различных испаноговорящих стран. Не удивительно, что государственный аппарат постоянно, со зверской энергией реагировал на рабочее неповиновение, а также на неподчинение профсоюзов и его центральной организации, которой в тот момент была ФОРА-АРФФ.

Говоря конкретно, с 1 мая 1904 года, — в день, когда пролилась кровь рабочего люда, — все последующие даты были в той или иной степени полны социального накала. Причины очевидны: мы можем найти их в ужасных условиях существования рабочего класса. В 1905 году, уже упомянутый съезд ФОРА-АРФФ дал программный ответ. С того момента рабочее сопротивление стало ещё более радикальным. Только в 1906 году в Буэнос-Айресе прошло 39 забастовок, с участием в них 137 000 рабочих. Статистика указывала, что в среднем 600 рабочих находились в постоянном конфликте с буржуазией. Ситуация общественного антагонизма держала правителей в постоянном напряжении. Полковник Фалькон, начальник полиции федеральной столицы, раздражённый растущей значительностью рабочего движения и анархистской пропаганды, поклялся покончить с либертариями. Для этой цели он не только постоянно предпринимал жестокие репрессии по отношению к свободе отдельных лиц и свободе собраний, но и ввёл ограничительные законы и диктаторские декреты, а кроме того, ежедневно применял на практике «исключительные меры». Образовалось чёткое противостояние: с одной стороны — анархистское и Фористское движение (FORA), а с другой — аргентинское государство и его карательные структуры. В 1902 году впервые было введено так называемое «военное положение», — настоящее «чрезвычайное положение,» которое сводило на нет соблюдаемые конституционные права и права личности. С того момента, такая мера будет существовать на протяжении долгих периодов времени и поддерживаться почти всеми конституционными правительствами. В этом же, 1902 году, был принят один из самых репрессивных и самых неприемлемых законов в Аргентине, который продержался более чем полвека. Речь идёт о Законе о местожительстве (номер 4.144). Он предусматривал высылку за границы государства иностранцев, не соответствующих интересам властей. Принимая во внимание тот факт, что в Аргентине значительную часть населения составляли выходцы из других стран, прибывавшие в страну последовательными и неоднократными притоками миграции, начавшимися с последней четверти прошлого века и вплоть до первой мировой войны, в

результате которых наблюдался крупный наплыв рабочего люда, особенно итальянцев и испанцев, — становится очевидным, против кого этот закон был принят.

Указ превращался в прекрасное оружие олигархического и реакционного режима, с тем чтобы избавиться от носителей прогрессивных идей, активистов, борющихся за более полную демократию и свободу.

ФОРА отреагировала на высокомерие режима, призывая рабочих к сопротивлению и поощряя борьбу за освобождение от классового угнетения. 1909 год должен был стать решающим в этой суровой социальной битве, где с одной стороны находилась олигархия или высшие слои буржуазии с окостеневшими идеями — приспешники и союзники международного империализма, — а с другой, — коренное население, отверженное или обречённое на самые худшие условия труда, которое разделяло участь эксплуатации и нищеты многочисленных мигрантов, используемых в качестве дешёвой рабочей силы.

Аргентинская олигархия, представители империализма и правители готовились праздновать значимую дату— сто лет со дня 25 мая 1810 года, когда креолы, потомки первых европейских переселенцев, основали первое национальное правительство, которое после напряжённой борьбы, 9 июля 1816 года провозгласило Национальную независимость. Так называемые Соединённые провинции Рио-де-Ла-Плата (в настоящее время — Аргентина, Боливия, Парагвай и Уругвай), отделились от Испании. Однако осознание своих прав и борьба рабочего движения, которое в процессе организации выдвигало свои требования, рассматривались наследниками давних сражений начала прошлого века за национальную независимость как «чуждые общественные проблемы, привнесённые извне на риоплатскую землю». Представляется не только смешным, но даже любопытным тот факт, что доминирующие классы всех времён и народов порождают идеологии, оправдывающие их привилегии и исполняющие функцию «ложной совести». «Высшие слои общества» и аргентинские структуры власти не могли понять того, что модернизация страны и вступление на мировой капиталистический рынок в рамках полукOLONиальной системы, что они сами принимали, неизбежно должны были привести к зарождению и развитию классовой борьбы в её современных формах. Рост капитализма, подчиняющегося новой экономической метрополии, — Великобритании, — породил рабочий класс, выдвигавший революционные цели современного пролетариата. Господствующие классы и их представители в правительстве знали лишь одну форму ответа: ненависть и злобу со стороны привилегированных и эксплуататоров; они пытались заглушить любые голоса протеста и борьбы за человеческое достоинство, применяя систематические репрессии, закрытие профсоюзных организаций, удушение воинственной прессы, захват и разрушение центров для рабочих собраний, пролетарских клубов и библиотек, а также бросая в тюрьмы либо изгоняя из страны активистов или членов рабочих объединений, встававших на защиту прав человека.

Несмотря на это, им не удалось ни запугать рабочих, ни заставить их отступить. В такой обстановке наступил 1909 год. На повестке дня — всеобщие забастовки, митинги и собрания трудящихся. Среди причин протестов было единодушное возмущение убийством в Испании педагога Франсиско Феррера.

«1 мая того года, как обычно, проводились две манифестации: социалистов и анархистов. Местом сбора была площадь Лореа, в настоящее время там располагается Конгресс. 30 000 участников от социалистов собрались на площади Конституции. Когда люди двинулись, эскадрон охраны открыл прицельный огонь. Никто не ожидал этой жестокой атаки, и огромная толпа рассеялась, хотя несколько храбрецов и попытались остановить кровавую расправу. Правительство президента Фигероа Алькорты покрыло себя славой. Восемь убитых и сто пять человек раненых. В этой демонстрации также участвовал русский парень по имени Симон Радовицкий...»²⁰². В ответ на такое бесчинство социалисты от ВКТ и анархисты — члены ФОРА объявили всеобщую забастовку на неопределённый срок и «до тех пор, пока не будут освобождены арестованные товарищи и вновь открыты рабочие профсоюзные организации». Стачка, внушительная и единодушная, длилась целую неделю, несмотря на все репрессии этих семи дней, в течение которых список жертв пополнился. Ввиду размаха событий правительство было вынуждено пойти на уступки и освободить 800 заключённых, отменяя штрафной муниципальный кодекс и разрешая работу местных профсоюзов. Однако зачинщик и глава расправы — полковник Фалькон — всё ещё оставался на посту начальника полиции, что являлось насмешкой и провокацией по отношению к рабочему классу. Русский юноша Радовицкий — недавно прибывший в страну идеалист, едва достигший восемнадцати лет, глубоко раненный происшедшим, — руководствуясь лишь своим стремлением и беря на себя задачу освободить рабочих и угнетённый народ от этого кровожадного палача, принял решение уничтожить столь зловещее лицо. Он изучил ситуацию и 14 ноября 1909 года, действуя в одиночку, взрывом бомбы покончил с полковником Фальконом. Прошёл ровно месяц со дня вынесения смертного приговора Франсиско Ферреру королём Альфонсо XIII. Как и предполагалось, вслед за покушением последовала волна репрессий. Газета *La Protesta*, ранее закрытая правительством, опубликовала подпольную брошюру, восторгаясь геройством русского юноши. И ФОРА в своей, тоже подпольной газете под названием *Nuestra Defensa* («Наша оборона») выражала свою солидарность и поддержку акции мщения Симона Радовицкого. Таково было положение в стране перед празднованием дня 25 мая 1910 года — столетней годовщины Независимости Аргентины, события патриотического, национального и буржуазного. ФОРА имела намерение придать этому празднику рабочий, революционный и международный характер, беря на себя инициативу созвать 30 апреля того же года Южноамериканский съезд рабочих. Все рабочие объединения — последователи теоретической линии ФОРА — ответили на призыв, подтверждая своё участие. Буржуазия Латиноамериканского континента сочла этот факт неслыханной дерзостью, и все страны потребовали, чтобы Аргентина раз и навсегда заткнула за пояс анархистских хулиганов. 13 мая начались жестокие репрессии, правительство объявило военное положение, повсеместно насаждая полицейский террор. Первыми в числе арестованных оказались редакторы газет *La Protesta* и *La Batalla*, члены Федерального совета ФОРА и КОРА (*Confederación Obrera Regional Argentina* — Рабочая региональная конфедерация Аргентины, образовавшаяся в результате раскола ФОРА в 1909 году и поддерживаемая «синдикалистской» и «узко экономической» линии). Вслед за этими арестами последовали многие другие: были задержаны известные рабочие активисты, среди них, многие иностранцы. Кроме того, военизированные банды, финансируемые буржуазией, при поддержке властей и полиции организовали манифестации на улицах, вторгаясь в профсоюзные и политические пролетарские центры, разрушая и поджигая здания, как, например, помещения анархистского еженедельника *La Protesta* и печатного органа социалистов *Vanguardia*. Ушуая — печально знаменитая тюрьма

на Огненной Земле, на юге страны, более известная как «кладбище живых людей», — переполнилась узниками. Одновременно были депортированы многие иностранцы. И хотя может показаться невероятным, в знак протеста празднования столетней даты и террору буржуазии и полиции рабочие Буэнос-Айреса объявили всеобщую забастовку. После событий 1910 года ФОРА три года работала в подполье. В 1913 году началась реорганизация профессиональных организаций. С удивлением было отмечено, что многие молодые активисты пополнили их ряды во время этого сурового периода национальной истории.

В годы после Первой мировой войны классовая борьба хотя и продолжилась, но была не такой кровопролитной. Быть может, одной из причин такого феномена явился раскол в ФОРА, произошедший на её IX съезде в апреле 1915 года: одна фракция стала именоваться «ФОРА IX съезда» (FORA del IX Congreso) и последовала синдикалистской линии. Другая часть, «ФОРА V съезда» (FORA del V Congreso), придерживалась более радикальной линии, то есть идеологии анархизма. Между обеими сторонами завязалась едкая полемика, и уже хорошо известно, что, когда рабочее движение начинает внутренние разногласия, энергии, предназначенные для борьбы с буржуазией, растрачиваются в баталиях рабочих между собой. К сожалению, по вине такого рода столкновений буржуазия только выигрывает. С началом 1917 года буржуазия возобновила нападки на рабочих, так как ФОРА — в её новом составе в результате V съезда — оставалась решающей организацией в трудовой жизни страны. Таким образом, в том году было зарегистрировано 26 жертв от рук полиции. Однако также отмечается новый подъём организации трудящихся — как следствие русской революции и революционного подъёма 1919 и 1920 годов: занятие фабрик рабочими Турина, рабочие советы в Баварии, революция в Венгрии и социальное восстание в Испании. Все эти события сильно отразились на Аргентине и послужили причиной чёткой политизации с участием ФОРА и других экстремистских группировок. Так или иначе, впервые в Аргентине произошло нечто своеобразное: спонтанное проявление революционного сознания. В силу своей непредсказуемости оно нуждалось в минимальной подготовке для поддержания предреволюционного процесса, который мог бы перерасти в подлинную революцию. «Трагическая неделя» января 1919 года стала развязкой всех страстей того периода. Создалась ситуация с первого взгляда революционная, но в действительности — без прочной основы. Анархизм не мог творить чудеса, а также не претендовал на узурпацию власти по примеру большевиков. Революционная спонтанность дала всё, что было в её силах, и после начальных атак истощилась. Уроки «Трагической недели» указывали на крайнюю необходимость организации революции. Пролетариат должен был платить высокую цену за такое отсутствие подготовки; однако, в любом случае, его порывы ужаснули правящие классы. Это явилось основным предлогом для развязывания новых репрессий после жестокой атаки на повстанческую забастовку января 1919 года. В течение событий так называемой Трагической недели на всей территории страны 55 000 человек были арестованы или задержаны в полицейских участках. Остров Мартин Гарсия превратился в тюрьму. Но в обстановке репрессий, что поражает в этом движении, ФОРА и её объединения, группы рабочих и их газеты, хотя и подпольные, продолжали свою работу и издавались. Даже вскоре к их числу добавился новый орган — *Tribuna proletaria* («Пролетарская трибуна»). В этом возрождении периода 1920 года, как и в других странах, в Аргентине чувствовалось влияние русской революции, и ФОРА не оставалась исключением. В среде ФОРА встал вопрос о присоединении к советскому процессу. Тот же самый энтузиазм, царивший в Испании во время съезда НКТ в 1919 году, привлёк на свою сторону

некоторых членов аргентинской ФОРА, которые настаивали на принятии концепции «диктатуры пролетариата» по примеру большевиков. «Эта оппозиция, — пишет Абад де Сантильян, — ослабила ФОРА именно в тот период, когда она была готова включить в себя всё рабочее движение страны».

Анархо-большевистское движение было использовано ФОРА X съезда как спасательный круг. Эта организация полностью заняла позиции социал-демократического реформизма, который даже финансировал её пробольшевистские газеты с целью нападок на ФОРА V съезда. В марте 1922 года пробольшевистское течение и остатки ФОРА IX съезда образовали новую профсоюзную организацию — Синдикалистский союз Аргентины (Unión Sindical Argentina). В промежутке 1920-1922 годов, наполненном полемикой, а также отмеченном появлением в Буэнос-Айресе агентов Москвы с целью раскола рабочего движения, что им некоторым образом удалось (такие же попытки предприняла в Испании группа Маурин-Нин, хотя и без успеха), в Аргентине имели место печальные события, тяжёлые для пролетариата, оставленного без поддержки, что ранее могло показаться невероятным. «В тот период, — приводим работы де Сантильян (август 1921 года), — движение Патагонии притягивает внимание общественности. Сначала это были небольшие протесты, выдвинувшие скромные требования, однако преследование полиции и ненависть землевладельцев превратили его в историческое событие. Оно включило в себя тысячи работников из поместий и продержалось почти год, пока не было зверски уничтожено Национальной армией. В движении Патагонии насчитываются тысячи погибших и раненых. Героем тех блестящих побед стал подполковник Варела, усмиритель...»

Раскол рабочего класса нёс ответственность за это и другие события, имевшие место в течение того периода. Недаром приверженцы ФОРА V съезда остановили полемику, с тем чтобы избежать затрат энергии, и взялись за восстановление рабочего движения. Но зло уже было сделано, и было вполне возможно, в контексте событий бурлящей Аргентины, что будет организован единый фронт, но против анархизма. А какой могла быть реакция против такого единого фронта со стороны боевого анархизма? Самый быстрый ответ был дан одним немецким рабочим, членом анархистских групп БуэносАйреса Куртом Вилькенсом. 23 января 1923 года он покончил с героем Патагонии, бросив бомбу и несколько раз выстрелив в него. Поступки Симона Радовицкого и Курта Вилькенса, естественно, оказывали сильное влияние на молодёжь, воспитывавшуюся на примерах жёстких поражений, кровавых расправ и этого единого фронта, основанного против анархизма. В Аргентине, похожий как две капли воды, созрел тот же самый феномен, имевший место в Испании с 1921 до 1923 года: организация революционной обороны перед лицом правительственного террора. Экспроприация была одной из таких форм сопротивления, фатально необходимой для жизни движения, которое загонялось в тупик буржуазией и государственными структурами, чтобы затем окончательно уничтожить его.

Первым анархистом, использовавшим метод революционной акции, стал русский — Борис Владимирович Герман, сорока трёх лет, врач, биолог, писатель и художник. В двадцатилетнем возрасте он вступил в ленинскую партию, но после съезда 1906 года вышел из рядов русских социал-демократов, впоследствии большевиков и коммунистов. С тех пор Борис разделял идеи анархизма и позднее участвовал в Анархистском интернационале. Он путешествовал по Германии, Швейцарии и Франции. Заболевание

лёгких привело его в Аргентину — по советам друзей. Там он принял участие в письменной и устной пропаганде. Однако Борис, как и Бакунин, несмотря на принадлежность к анархизму, оставался русским человеком. Его поступок после «Трагической недели» объясняется в основном таким русским прецедентом. Перед событиями «Трагической недели» в стране существовала организация фашистского стиля в составе детей аргентинской буржуазии, под названием «Гражданская гвардия», вскоре превратившаяся в «Патриотическую лигу». Этой организацией руководил Мануэль Карлэс, доктор по профессии. Он был влиятельным лицом в правительственных кругах и предложил полиции услуги «Лиги». Элементы этой «Лиги» полностью посвятили себя репрессиям во время и после «Трагической недели». Лозунгом «Патриотической лиги» были слова: «Будьте патриотом — убейте еврея!». Но в Буэнос-Айресе евреи в большинстве были выходцами из России. Для Карлеса и его пособников еврей и русский означало одно и то же. Особенно если речь шла о борьбе с русской революцией. Фанатики таких правых организаций, в основном линчеватели, пропагандировали «резню русских»; одновременно их лозунги вносили смятение своим националистическим и патриотичным характером. Смогла ли такая антирусская и антиеврейская, скорее всего, антисемитская пропаганда проникнуть в сердца аргентинцев? К сожалению, в истории часто наблюдаются примеры коллективного психоза...

А Борис Владимирович был русским, возможно, евреем. Поэтому он обладал широким опытом, чтобы осознать опасность такого рода преследований против русских и евреев. Вспомним многочисленные погромы во времена русского царизма. Что нужно было сделать для того, чтобы просветить аргентинский народ на тему русской реальности и её революции? Борис Владимирович вместе со своим соотечественником Хуаном Коновезуком участвует в пробольшевицкой фракции ФОРА V съезда. Оба обсуждают необходимость создания газеты с единственной целью — информировать аргентинский народ о русском феномене и процессе революции в России. Надо любой ценой избежать притока антирусской пропаганды от «Патриотической лиги» среди аргентинцев. Поскольку они не имели средств, а Борис наверняка обладал опытом экспроприации в России 1900 года, то он планирует вооружённое ограбление одного ювелира. Удар, но без успеха, был нанесён 19 мая 1919 года. Хуан Коновезук (как потом оказалось, он был белорусом тридцати лет по имени Андрес Бабби; он жил в Буэнос-Айресе уже шесть лет) выстрелил в полицейского во время нападения, и тот погиб. Оба нападавших были задержаны, и национальная пресса посвятила много времени этому событию. Когда на суде их приговорили к пожизненному заключению, Борис заявил: «Жизнь пропагандиста идей, каким являюсь я, подвержена непредвиденным обстоятельствам. Сегодня и во все времена. Я знаю, что не увижу победы моих идей, но рано или поздно за мной придут другие». Борис и Бабби были заключены в тюрьму Ушайи — «аргентинской Сибири»...

С акцией, задуманной Борисом Владимировичем Германом и приведённой в исполнение им и его другом Бабби, в анархистском движении Аргентины был поставлен как таковой вопрос экспроприации как метода революционной борьбы. В связи с этим возобновилась полемика на тему насилия, покушения и т.д. La Protesta из Буэнос-Айреса попыталась сохранить чистую форму незапятнанной теории, когда в реальной жизни было трудно оставаться на такой позиции и защищать, как в случае с Симоном Радовицким и Борисом, приговор «классовая месть» и как в будущем защищали бы Курта Вилькенса и Сакко и Ванцетти.

Рядом с амбивалентной и умеренной линией газеты La Protesta выделялась La Antorcha («Факел»), вдохновляемая яркой личностью, схожей с Флоресом Магоном, который заявлял, что революция и, следовательно, революционеры по своей природе находятся вне закона. Выдающаяся фигура этой анархистской газеты Родольфо Гонсалес Пачеко обладал талантом меткого пера, действенного и резкого. Примером среди других произведений являются короткие заметки под названием Carteles («Афиши»).

В 1923 году раскол между La Antorcha и La Protesta стал явным. Среди «анторчистов» выделялись две заметные личности: известный руководитель металлургов Буэнос-Айреса, секретарь Комитета защиты заключённых и преследуемых Мигель Арканхель Росцинья и школьный учитель Северино ди Джованни, секретарь Итальянского антифашистского комитета, сентиментальный парень и идеалист, который впоследствии под воздействием грубой силы государства превратится в «идеалиста насилия»²⁰³. Борис Герман запустил машину, которая для своей работы не требовала ничего, кроме хорошей смазки. По примеру предыдущих президенто-консерваторов Аргентины Ипполит Иригойен, применяя методические репрессии и заключения в тюрьмы, взял на себя задачу смазывать эту машину, чтобы она не останавливалась. В таком контексте общественных событий Аргентины в августе 1925 года «Странники» ступили на землю Буэнос-Айреса.

Версия #1

Зверобой создал 13 июля 2025 00:45:30

Зверобой обновил 13 июля 2025 00:51:14